

Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол. Священник Александр Мазырин

[1]

Одним из наиболее драматичных периодов в многовековой истории взаимоотношений Константинопольской и Русской Церквей стали 20-30-е годы XX века - время весьма тяжелое для обоих Патриархатов, ознаменованное как внешними гонениями, так и внутренними нестроениями. Московский Патриархат не вмешивался во внутренние проблемы греков (такие как, например, конфликт ново- и старостильников), в то время как Константинополь пытался активно влиять на ход церковных дел и в России (СССР), и в русском зарубежье. Наиболее ярко это проявилось в связи с возникновением инспирированного советской богоборческой властью обновленческого раскола в Русской Православной Церкви. Вмешательство Константинопольской Патриархии лишь усугубляло и без того предельно трудное положение Патриаршей Церкви в России и едва не привело к полному разрыву между двумя Патриархатами. Можно было бы, конечно, предать забвению эти малоприятные страницы истории, но современная ситуация с расколами в Русской Православной Церкви (на Украине, прежде всего) не позволяет этого сделать: печальная история может повториться. По этой причине необходимо изучать события минувшего и извлекать из них уроки.

Как известно, обновленческий раскол в Православной Российской Церкви возник в мае 1922 года в результате насильственного устранения (ареста) Патриарха Тихона и захвата высшей церковной власти группой духовенства (преимущественно, белого). Наиболее массовой и организованной группировкой в обновленчестве поначалу была так называемая «Живая Церковь», по названию которой зачастую именовался и весь раскол. В первые месяцы после своего появления на свет «Живая Церковь» была озабочена не столько признанием со стороны Православных Поместных Церквей, сколько захватом позиций внутри Русской Церкви. Однако контакт с греками был установлен довольно быстро, и уже в августе 1922 года на съезде «Живой Церкви» в Москве в президиуме восседали представители Константинопольского и Александрийского Патриархов в России - архимандриты Иаков и Павел[1].

Справедливости ради нужно отметить, что сама Константинопольская Патриархия стала играть деструктивную роль не сразу после возникновения обновленческого раскола в 1922 году. Патриарх Мелетий IV (Метаксакис - фигура, вообще говоря, весьма пререкаемая, если не сказать одиозная) первоначально не поддерживал самочинное обновленческое ВЦУ и делал заявления в защиту арестованного Патриарха Тихона. Так, в частности, согласно сообщению русской эмигрантской прессы, в связи с «судом» над Всероссийским Патриархом на обновленческом лжесоборе Патриарх Мелетий и его Синод 24 апреля 1923 года постановили: «Уведомить представителя Вселенского Патриарха в Москве, что Великая церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что все Православие (harasa i orthodoxia) смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника (homologitin)»[2].

Насколько искренней была такая демонстрация симпатии главе гонимой Русской Православной Церкви со стороны Константинопольского Патриарха - вопрос отдельный. Известно, что Патриарх Мелетий во внешнеполитическом отношении был ориентирован на Великобританию, а английское правительство в тот момент занимало жесткую антисоветскую позицию. Можно вспомнить знаменитую ноту (ультиматум) британского министра иностранных дел лорда Керзона, врученную советскому правительству в начале мая 1923 года, которая, между прочим, требовала прекращения религиозных гонений в СССР. При этом все понимали, что обновленцы - это агенты советской власти в церковных рядах, а чинимый ими «суд» над Патриархом Тихоном был выполнением большевистского заказа в преддверии готовящегося показательного процесса над ним, итогом которого должен был стать смертный приговор Предстоятелю Православной Российской Церкви. Было бы удивительно, если бы Патриарх Мелетий выступил тогда вразрез с британской линией и поддержал большевистско-обновленческую акцию против святого Московского Патриарха.

Прошедший летом 1923 года в Константинополе под председательством Патриарха Мелетия так называемый «Всеправославный Конгресс» также высказался по делу Патриарха Тихона и осудивших его обновленцев. По этому поводу Патриархом Мелетием была направлена специальная грамота Председателю Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей митрополиту Антонию (Храповицкому). В этой грамоте низложение Патриарха Тихона обновленческим «Собором» было названо незаконным. «Всеправославный Конгресс в Царьграде [...], - говорилось далее в грамоте Патриарха Мелетия, - узнавши о состоявшемся в Москве Церковно-Народном Соборе (обновленческом - и. А. М.), который среди остальных неканонических определений издал и определение о низложении в заключении находящегося Патриарха Тихона, единогласно постановил следующее:

1) выражает сожаление по поводу такого поступка в отношении Первоиерарха Святейшей Русской Церкви, и притом именно во время его мученичества, и сердечное соучастие Исповеднику-Патриарху; [...]

4) просит Вселенскую Патриархию рассмотреть вместе с остальными Православными Церквями вопрос о состоянии Русской Церкви, чтобы дать точное направление возмущенной религиозной совести благочестивого русского народа, терпящего ужасное испытание в вере»[3].

Четкого выражения отношения к обновленческому расколу, однако, в этой грамоте не было. Определения съезда «Живой Церкви» были названы неканоническими, но никак иначе постановления о женатом епископате, второбрачии клириков и т. п. квалифицировать было нельзя. Простое выражение «сожаления по поводу такого поступка» странно поименованного «Церковно-Народного Собора» мало к чему обязывало. Предписанное же рассмотрение Вселенской Патриархией «вопроса о состоянии Русской Церкви» приняло затем весьма экстравагантный характер. Произошло это, однако, уже при следующем Константинопольском Патриархе. Саму Вселенскую Патриархию, как и весь греческий мир, тогда постигли большие потрясения. Провал военного похода в Малую Азию привел к изгнанию греческого населения из Турции, а Патриархия, как казалось, доживала на берегах Босфора последние дни. Надежды греков на Великобританию не оправдались, Патриарх Мелетий в июле 1923 года был вынужден покинуть Константинополь, а в сентябре того же года совсем отрекся от Вселенского Патриаршего Престола.

Какую позицию занимал Патриарх Мелетий по отношению к российским обновленцам в период между своим удалением из Стамбула и отставкой, не совсем ясно. Важные изменения тогда произошли и в России. Патриарх Тихон был освобожден, обновленческое движение стало стремительно распадаться и только экстренное вмешательство ОГПУ спасло раскол от исчезновения уже в 1923 году. Само обновленчество мимикрировало под Православную Церковь: отмежевалось от наиболее одиозных лиц и их программ, предполагавших даже реформирование церковного вероучения, вместо скомпрометированного ВЦУ (ВЦС) был сформирован орган с привычным для церковного слуха названием «Священный Синод» во главе с иерархом старого (не обновленческого) поставления - архиепископом («митрополитом») Евдокимом (Мещерским). На том же заседании ВЦС («Высшего Церковного Совета») 8 августа 1923 года, которое приняло решение о переименовании его в «Священный

Синод», первым пунктом было решено: «Восстановить связь с заграничными Восточными Церквями [...]. При этом Высокопреосвященным митрополитом Евдокимом было отмечено, что 7 августа к нему на Троицкое подворье являлись с официальным приветствием представители Восточных Патриархов: Константинопольского - архимандрит Иаков, и Александрийского - архимандрит Павел. Во время ответного визита архимандритом Иаковом было заявлено митрополиту Евдокиму, что о всех происшедших церковных переменах уже сообщено в благоприятном смысле Вселенскому Патриарху»[4].

Вслед за этим «митрополит» Евдоким отправил в Константинопольскую Патриархию длинное письмо, в котором в красках описывал «непростительные ошибки» Патриарха Тихона и «созидательную работу» обновленцев. Заканчивалось письмо обещанием послать на Восток для доклада представителя от «Священного Синода» и следующим клятвенным заверением: «Мы - верные сыны Святой Православной Церкви и никогда ни за что не сменяем веры отцов наших, дедов и прадедов ни на какие другие новые веры и никогда не оторвемся от православного Востока»[5].

Использовать авторитет Вселенского Патриарха для укрепления позиций обновленцев желали и большевики. 18 сентября 1923 года Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) постановила: «Поручить т. Попову (бывшему в то время председателем АРК - и. А. М.) переговорить с т. Чичериным о положении Мелетия и Константинопольского Синода и в зависимости от этого решить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»[6]. (Видно, за что старались греческие представители в Москве: вернуться назад в конфискованное советской властью бывшее Константинопольское подворье очень хотелось.) Удалось ли тогда советским представителям установить какие-то контакты с Патриархом Мелетием (он в то время находился на Афоне), не известно.

Хотя никакого ответа Патриарх Мелетий на словоизлияния председателя обновленческого «Синода» не отправил, впоследствии обновленцы представляли дело так, что он-таки в 1923 году их поддержал. Когда в конце 1926 года Мелетий (Метаксакис), поездив по миру, был избран Александрийским Патриархом, обновленческий «Священный Синод» направил ему приветствие, в котором говорилось: «Священный Синод с сердечной признательностью вспоминает о той моральной поддержке, какая была оказана Вашим Блаженством, в бытность Вашего Блаженства Константинопольским Патриархом, Священному Синоду вступлением в каноническое общение с ним, как единственно законным органом управления Русской Православной Церковью»[7].

Преемником Мелетия IV в декабре 1923 года стал Патриарх Григорий VII. Известный канонист профессор С. В. Троицкий в своем труде «Что такое Живая Церковь», ссылаясь на публикацию в «Церковных ведомостях», сообщал, что «Константинопольский Патриарх Григорий VII в послании от 27.XII.1923 г. № 5856 назвал "живцов" - "незаконными захватчиками церковной власти в России", а Патриарха Тихона "единственным законным высшим главою церковной власти Российской Церкви»[8]. Профессору Троицкому вторил сотрудник послевоенной Московской Патриархии А. Буевский[9]. Можно было бы порадоваться такому заявлению Вселенского Патриарха, но проверка ссылок профессора Троицкого показала, что приписываемых им Святейшему Григорию слов патриаршая грамота № 5856 не содержала. Патриарх Григорий всего лишь писал в ней митрополиту Антонию в ответ на его поздравления: «Пусть Господь дарует скорое утешение и помощь и Святой сестре Русской Церкви и Наисвятейшему Патриарху Тихону, чьи долгие испытания повергают нас в скорбь»[10]. О «живцах» и о том, кого надлежит признавать «единственным законным высшим главою церковной власти Российской Церкви», в грамоте от 27 декабря ничего не говорилось.

Впрочем, отвечать на отправленное еще августе 1923 года на Фанар письмо Евдокима (Мещерского) Патриарх Григорий также не спешил. Пауза затянулась до весны следующего года. Наконец, в марте 1924 года «митрополиту» Евдокиму была передана копия циркулярного письма Вселенского Патриарха о введении нового стиля (такое же письмо было направлено и Патриарху Тихону). Обновленцы восприняли этот жест внимания со стороны греков с небывалым воодушевлением, истолковывая его как акт признания их «Синода»[11].

Между тем, прямо о признании обновленческого «Синода» Константинопольская Патриархия еще не заявляла, но постепенно, по политическим причинам, дело к тому шло. Советская Россия была практически единственной страной, которая имела тогда влияние на победивший в Турции режим Ататюрка. Поставленная турками на грань выживания Патриархия готова была искать защиты даже у большевиков. Для этого нужно было показать советской власти свое расположение. Сделать это фанариоты могли, прежде всего, путем поддержки просоветского обновленческого раскола в Русской Православной Церкви, чем Патриарх Григорий через своего московского представителя, судя по всему, и занялся. Этим представителем к тому времени вместо умершего в январе архимандрита Иакова стал его племянник иеромонах Василий (Димопуло). Иеромонах Василий, вскоре возведенный в сан архимандрита, с еще большим усердием, чем его почивший дядя, принялся укреплять связи с обновленцами. В марте 1924 года он вместе с представителем Александрийского Патриарха архимандритом Павлом посетил «митрополита» Евдокима, с которым обсудил вопросы, касающиеся направления делегатов от Русской Церкви на запланированный на 1925 год «Вселенский Собор» в Иерусалиме, а также содействия в возвращении греческого подворья[12]. Как видно, стороны нашли полное взаимопонимание и вскоре архимандриты Василий и Павел состояли уже почетными членами обновленческого «Священного Синода».

В мае 1924 года в переводе и с заверением архимандрита Василия был пущен в ход имевший большое значение документ под названием «Вступительная речь Его Святейшества Вселенского Патриарха Григория VII и постановление Священного Синода об основах работы отправляющейся в СССР Патриаршей Миссии». Согласно этому документу, Патриарх Григорий заявил, что «по приглашению церковных кругов СССР» (обновленческих, естественно) он принял предложенное ему «дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской Церкви смут и разногласий, назначив для этого особую патриаршую комиссию из архиереев». Комиссия должна была «отправиться туда, чтобы содействовать с Божией помощью словами любви и путем разных указаний восстановлению согласия и единения в Братской Церкви ко благу всего Православия». Далее особо оговаривалось, что «отправляющаяся комиссия в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны Правительству СССР», то есть на обновленцев («красных попов», как их называли в народе).

«Ввиду возникших церковных разногласий, - заявлял далее, согласно документу, Патриарх Григорий, - мы полагаем необходимым, чтобы Святейший Патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от Церковного Управления, [...] и чтобы, одновременно, упразднилось, хотя бы временно, патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения. Вместо упразднившегося патриаршества высшее церковное Управление там должен принять ныне свободно и канонически избранный Синод, который и выработает детали Синодального Управления Церковью в СССР». Иными словами Патриарху Тихону предлагалась немедленная сдача обновленцам, равно как и всем членам Патриаршей Церкви подчинение обновленческому «Синоду», якобы «свободно и канонически избранному», а в действительности сформированному 6-м («церковным») отделением Секретного отдела ОГПУ из осведомителей этого ведомства.

В полном соответствии с обращением Патриарха Григория Константинопольский Синод единогласно постановил:

«1. Чтобы комиссия эта определенно опиралась на церковные течения, верные Правительству СССР [...].

2. Чтобы Комиссия эта сделала надлежащим образом известный взгляд Его Святейшества и Священного Синода относительно необходимости удаления Святейшего Патриарха Тихона и упразднения, хотя бы временно, патриаршества в СССР и с этим взглядом сообразовала свою деятельность.

3. Чтобы сделала известным взгляд Вселенского патриарха, что новое положение о высшем церковном управлении должно опираться на основы чисто церковной соборности и иметь

форму свободно и канонически избранного Соборного Синода»[13].

Сам процитированный документ в свое время опубликован не был, но о его существовании сразу же было громко заявлено в главной советской газете. 1 июня 1924 года в «Известиях» появилась статья с броским заголовком «Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской церковью». В статье было сказано: «Московский представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло сообщил представителю РОСТА следующее: "Мною получено только что из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский патриарший Синод, под председательством Вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте. Постановление это вынесено на заседании Синода при Вселенском патриархе 6 мая и принято единогласно". [...] Вместе с тем Константинопольский патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами Российской Православной Церкви. [...] Одновременно Вселенский Патриарх признал Российский Синод официальным главой Российской православной церкви и запретил к священнослужению всех иерархов, бежавших из России в эмиграцию, во главе с Антонием Храповицким. Все эти иерархи предаются церковному суду»[14].

Через несколько дней, 6 июня, выписки из протоколов заседаний Константинопольского Синода по русским церковным делам были отправлены архимандритом Василием особым письмом Патриарху Тихону. Глава Православной Российской Церкви ответил в том же июне 1924 года самому Патриарху Григорию, ответил сдержанно и с достоинством: «Прочитав указанные протоколы, - писал святитель Тихон, - Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви. Священные Соборы (см. 2-е и 3-е правила II Вселенского Собора и др.) за епископом Константинопольским [...] признавали и признают первенство перед другими автокефальными Церквями чести, но не власти.

Помним и то правило, что, "не быв приглашены, епископы да не приходят за пределы своей области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения". А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома не законна, не будет принята русским Православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви»[15].

В июле 1924 года архимандрит Василий, решив, видимо, что Константинополь достаточно потрудился во благо российского обновленчества, обратился от имени Вселенского Патриарха и «всего Константинопольского пролетариата» уже напрямую к представителям советской власти, а именно к главе Секретариата по делам культов при Президиуме ЦИК СССР П. Г. Смидовичу: «Одолов своих врагов, победив все препятствия, окрепнув, Советская Россия может теперь откликнуться на просьбы пролетариата Ближнего Востока, благожелательного к ней, и тем еще больше расположить к себе. В Ваших руках, тов. Смидович, сделать имя Советской России еще более популярным на Востоке, чем оно было ранее, и я горячо прошу Вас, окажите Константинопольской Патриархии великую услугу, как сильное и крепкое правительство могущественной державы, тем более что Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главой всего православного народа, ясно показал своими действиями расположение к советской власти, которую он признал»[16]. Таким образом, предлагался обмен: одна сторона (греческая) - комиссию, «определенно опирающуюся на церковные течения, верные Правительству СССР», другая (советская) - «великую услугу Константинопольской Патриархии».

Насколько известно, никаких «великих услуг» советское правительство Фанару оказывать не стало (Ататюрк для Кремля был несопоставимо дороже, чем так называемый «глава всего православного народа»). Но при этом от идеи использовать фанариотов в собственных интересах большевики не отказывались. Вопрос о прибытии константинопольской делегации в Москву несколько раз обсуждался на заседаниях Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б).

Решения принимались положительные. Последнее из них, принятое уже в сентябре 1924 года, гласило: «Разрешить и поручить тов. Тучкову обработать делегацию в желательном для нас направлении»[17]. Комиссия, однако, не приехала. Свою роль вновь сыграл английский фактор. Архиепископ Кентерберийский Дэвидсон выразил Патриарху Григорию свое недоумение по поводу его прообновленческой активности, и тот, как писали издаваемые Русским Зарубежным Архиерейским Синодом «Церковные ведомости», ответил, что «"Живой Церкви" он не признает; Патриарха Тихона он признает законным представителем Русской Православной Церкви и не думал производить над ним суда; комиссию же он собирался послать для ознакомления со взглядами Патриарха Тихона по целому ряду современных вопросов; и теперь едва ли эта комиссия поедет в Россию»[18].

В итоге отправление в Москву пресловутой комиссии из Константинополя не состоялось (вместо нее Патриарх Григорий направил обновленческому «Синоду» приветствие в виде пасхальных яиц). Тем не менее, в июне 1924 года обновленцами в 1-м Доме Советов было проведено так называемое «Великое Предсоборное Совещание» (перед намеченным на 1925 год «Вселенским Собором»). По данным сводки, составленной начальником 6-го отделения СО ОГПУ Е. А. Тучковым, на съезде присутствовало «156 попов, 83 епископа и 84 мирянина». В этой же сводке указывалось, что на «Совещание» было командировано 126 секретных осведомителей ОГПУ, т. е. около 40% его состава[19]. В этом собрании «красных попов» под председательством «митрополита» Евдокима приняли участие и московские представители Константинопольского и Александрийского Патриархатов. Примечательно, что почетным председателем «Предсоборного Совещания» был избран сам Константинопольский Патриарх Григорий VII, который, согласно обновленческим и советским источникам, приветствовал собрание особым посланием. В посвященной обновленческому «Совещанию» известинской статье по поводу доклада его председателя говорилось: «Кардинальной заслугой синода митрополит Евдоким считает налаживание связи с вселенским патриархом Григорием VII, а так же и с восточными патриархами. К концу своей речи митрополит Евдоким огласил ряд посланий вселенского патриарха синоду, из которых явствует, что синод полностью им признан, как высший авторитетный орган церковного управления в России»[20].

Патриарх Григорий VII, «налаживание связи» с которым глава обновленцев ставил себе в «кардинальную заслугу», скончался в ноябре 1924 года. Константинопольский Престол он занимал менее года, но память о себе оставил долгую. Его преемник Патриарх Константин VI проуправлял Вселенской Патриархией еще меньше. Он, правда, успел объявить о созыве в день Пятидесятницы 1925 года в Иерусалиме «Вселенского Собора», но на русском направлении как-то заметно себя не проявил, разве только телеграммой с благодарностью за поздравление с избранием, о которой написали обновленцы в своем «Вестнике», но текста самой телеграммы не привели[21]. Составленную же в Константинополе «Программу работ будущего Вселенского Собора» архимандрит Василий (Димопуло) в начале 1925 года передал обновленческому «Синоду», который с осени 1924 года вместо лжемитрополита Евдокима (Мещерского) возглавлял лжемитрополит Вениамин (Муратовский). Хотя в «Программе работ будущего Вселенского Собора» о Русской Православной Церкви ничего сказано не было, ее появление вызвало у «красных попов» очередной взрыв энтузиазма. «Представительство Русской Церкви на Вселенском Соборе [...], - постановили обновленцы, - признать необходимым. Члены Вселенского Собора избираются Всероссийским Поместным Собором (приблизительно в конце апреля, начале мая)»[22]. Вслед за этим «Его Всесвятейшеству» была посланная клятвенная телеграмма: «Мы выражаем полную свою готовность следовать указаниям Святейших Восточных Православных Патриархов [...]. Мы уверены, что молитвенное предстательство за нас Святейших Православных Патриархов, а равно их мудрость отеческая прольют священную тишину и мир в раздираемую бывшим патриархом Тихоном святую Русскую Православную Церковь»[23].

С «пролитием отеческой мудрости Святейших Восточных Патриархов», однако, вышла заминка: Патриарх Константин был выслан из Турции, но от титула не отказывался, питая тщетную надежду еще вернуться на кафедру. Время шло, и очевидным становилось, что никакой «Вселенский Собор» к Пятидесятнице греки провести не смогут. К тому времени в Москве скончался Святейший Патриарх Тихон, Местоблюстителем Всероссийского Патриаршего Престола в апреле 1925 года стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Обновленцы восприняли известие о кончине Московского Патриарха с большим энтузиазмом

и уже через несколько дней вновь объявили о скором созыве своего второго «Поместного Собора», в результате которого надеялись под видом «примирения» окончательно возобладать над «тихоновщиной». Важная роль при этом, разумеется, ими отводилась и Вселенской Патриархии, но она сама была в тот момент в замешательстве.

Только летом 1925 года в отношении Константинопольского Престола появилась ясность: взамен Константина VI на него был избран митрополит Никейский Василий, ставший Патриархом Василием III, - председатель не состоявшейся «авторитетной комиссии из виднейших восточных иерархов», которую еще Патриарх Григорий VII собирался отправить в Москву. Обновленцы сразу же начали прощупывать почву вокруг новоизбранного Вселенского Патриарха. 21 июля «митрополит» Вениамин (Муратовский) направил ему поздравительную телеграмму, в которой после дежурного приветствия со вступлением на Вселенский Престол испросил «благословения Поместному Собору на дело устройства и умиротворения Русской Церкви»[24]. Мог возникнуть вопрос: зачем священноначалию одной автокефальной Церкви испрашивать благословение на проведение у себя Поместного Собора у Предстоятеля другой автокефальной Церкви. Ответ был прост: чтобы «узаконить» свое незаконное положение, обновленцы готовы были отказаться (по крайней мере, на время) и от автокефалии Русской Православной Церкви.

Патриарх Василий ответил сдержанно почтительно: «Митрополиту Вениамину. Председателю Священного Синода. Благодарю за любезное поздравление. Молим Бога о благополучном окончании стремлений к умиротворению и соединению Святой Братской Русской Церкви»[25]. Последние слова можно было трактовать как угодно, но само обращение свидетельствовало о признании Фанаром обновленческого «Священного Синода» и его председателя-«митрополита». Обновленцы ликовали и тут же попытались закрепить успех. 30 июля 1925 года «Синод» направил новое письмо «Его Всесвятейшеству» - по-своему уникальный памятник лести и бесстыдства. «Священный Синод Российской Православной Церкви, - писали обновленцы Патриарху Василию, - умоляет Вашу Святыню отечески-попечительно призреть на нашу церковную скорбь и подвигнуться на спасение болящей дочери - Церкви Русской. Нам - верным сынам Церкви - особенно важно излечиться теперь, когда приближается время Вселенского Собора, а Вам, Ваше Всесвятейшество, особенно бесполезно посетить Церковь Русскую в преддверии грядущего Собора, чтобы правильно судить о положении ее в современных условиях нового государственного строя. [...] Все мысли и сердца многомиллионного верующего русского народа обращены на Ваше Всесвятейшество, как на единственного Спасителя и Отца нашей Матери Церкви. Верим и уповаем, что Отец Отцов не оставит мольбы своих детей не услышанной, и как некогда Христос-Спаситель прикосновением исцелил горячку тещи ап. Петра, так и Вы, Ваше Всесвятейшество, своим прибытием на наш Поместный Собор и прикосновением к язвам нашей страждущей Церкви поможете врачеванию соборным разумом ее недугов»[26].

Не ответить на такое излияние чувств «Его Всесвятейшество» не могло. 11 сентября 1925 года Патриарх Василий направил «Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кир Вениамину, Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю» письмо, в котором писал: «Заочно соприсутствуем с Вами и, поскольку возможно, посодеествуем к скорейшему и полному уничтожению печального разделения, которое, будучи вредно Православной Церкви Вашей, глубочайшей печалью исполняет и Великую Матерь Церкви». На главный призыв обновленцев - приехать лично на их «Собор» в Москву - Вселенский Патриарх, однако, отвечал вежливым отказом: «Личное наше присутствие в настоящее время не может быть исполнимо по многим основаниям и, по нашему мнению, оно не столь даже необходимо. [...] Дух и любовь нашей и прочих братских церквей смотрит на вас и поможет Вам благополучно закончить дело»[27].

Вопреки пожеланию «Его Всесвятейшества», Господь в конечном итоге не попустил обновленцам «благополучно закончить дело» - дело разрушения Русской Церкви. Однако, смущение от действий Вселенской Патриархии среди православных в России и за рубежом было весьма сильным. Константинополь явно показывал, что его симпатии на стороне церковных преступников, а не канонической Православной Российской Церкви. Естественно, обновленцы всячески бравировали своей перепиской с Вселенским Патриархом, к которому вскоре добавился еще и Патриарх Иерусалимский, а чуть позже и Александрийский.

Конечно, это бумажное общение Восточных Патриархов с обновленцами, с точки зрения подлинно церковного сознания, нисколько не добавляло раскольникам каноничности. Очень хорошо это выразил митрополит Сергей (Страгородский), который в свое время (в 1922-1923 годы) сам пережил тяжелое искушение отпадения в раскол. В ответ на письмо одного обновленческого архиерея митрополит Сергей писал 22 сентября 1925 года: «Указание на то, что некоторые Патриархи, например, Константинопольский и, в последнее время, Иерусалимский, обменялись с Синодом посланиями, нас мало убеждает. Мы знаем, что в единстве Церкви находятся лишь те, кто находится в общении со своим законным епископом и патриархом; что отлученный своим патриархом не может быть принят в общение другими ([Собора в храме] Премудр[ости], 1 прав[ило]); [...]». Да и сам вошедший в общение с отлученным подлежит отлучению (Апост[ольские правила] 10, 12). Значит, если Патриархи Константинопольский и Иерусалимский вошли в общение с обновленцами, тем хуже для Патриархов. Пред законом Божиим все равны: и патриархи, и миряне. Когда Константинопольский Патриарх в XV веке отпал в унию с Римом, Русская Церковь за ним не пошла и живущие в России католические ксендзы от того не сделались православными. Так и общение Константинопольского Патриарха с обновленцами может только Патриарха сделать обновленцем, а не обновленцев православными»[28].

О том же писал очевидец тех событий, впоследствии церковный историк, М. Е. Губонин: «Узнав о признании Константинополем обновленческого Синода как единственного правомочного возглавителя Русской Церкви, - о чем, конечно, везде трубили обновленцы, - тогдашний митрополит Нижегородский Сергей заявил: "Пусть признают; от этого обновленцы не стали православными, а только Патриархи - обновленцами!"»[29]. По собственному горькому опыту митрополит Сергей знал, что высокое церковное положение вовсе не гарантирует от уклонения на апостасийный путь, и Восточные Патриархи в период переживаемого упадка вовсе не могут считаться мерилom Православия.

Действиями Константинополя был тогда смущен даже управлявший русскими Западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский). Пройдет затем немного лет, и он сам перейдет на сторону поддерживающих обновленцев греков, но осенью 1925 года он спрашивал в письме Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра: «Будете ли Вы писать Константинопольскому патриарху об его незаконном вмешательстве в дела Русской Церкви? Ведь, не только его Московский представитель, архим[андрит] Василий перешел явно на сторону обновленцев, но и сам патриарх пишет приветственные грамоты лжесобору в лице их митрополита Вениамина и "автокефальному митрополиту" украинскому Пимену»[30].

До конца, правда, порвать с Православной Российской Церковью Константинопольская Патриархия не решалась (не в последнюю очередь из-за того, что фанариоты искали покровительства еще и у Англиканской Церкви, а в Англии весьма косо смотрели на греческие заигрывания с «красными»). Во всяком случае, затеяв в 1925 году «Вселенский Собор», Патриарх Василий III пригласил-таки на него не только обновленцев, но и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, с тем чтобы этот Собор решил, «кто прав в церковной распре»[31]. Требовалась, очевидно, особая гибкость канонического сознания, чтобы после всего учиненного обновленцами в 1922-1923 годах (захват церковной власти, женатый «епископат», второбрачие «духовенства») делать вид, что здесь еще что-то требуется решать. Каких-либо данных о том, что это приглашение митрополитом Петром было получено и что он как-то ответил на него, нет.

Свой корыстный интерес к обновленцам был и у Иерусалимской Патриархии. На Рождество 1926/1927 г. Патриарх Дамиан обратился с по-восточному многословным посланием к «Митрополиту Ленинградскому и Председателю Священного Синода Святейшей Российской Церкви, возлюбленному во Христе брату и сослужителю нашей мерности Кир-Вениамину»: «Мы обращаемся с горячим призывом чрез Ваше любезное нам Высокопреосвященство к святой сестре Российской Церкви и через нее - к благочестивому православному русскому народу, питая себя наилучшими надеждами и предвидя великое благочестие и засвидетельствованное уважение к Св. Гробу Господню и всем остальным почитаемым местам сочувствия и пожертвование всех слоев православного русского народа, веря, что он

охотно сделает все возможное для помощи и содействия Святейшей Сионской Церкви»[32]. Как видно, Иерусалимскому Патриарху признание главы обновленцев своим «возлюбленным и любезным братом» слишком большой ценой за «пожертвование всех слоев православного русского народа» не показалось. Конечно, обновленческий «Священный Синод» постарался извлечь максимум выгоды из «горячего призыва» нищенствующего Патриарха и постановил: «Установить в пользу Гроба Господня ежегодный сбор в неделю Ваий. [...] Сбор направлять в Священный Синод для пересылки Иерусалимскому Патриарху»[33]. Дошли ли в итоге какие-то деньги до Иерусалима, неизвестно, но повод показать свое мнимое превосходство над «староцерковниками» у обновленцев был неплохой.

Из четырех Восточных Патриархов только Антиохийский не вошел в общение с обновленцами. Объяснить это, вероятно, можно тем, что Антиохийской Церкви в начале XX века удалось не без помощи Церкви Российской освободиться от греческого засилья, а Иерусалимская и Александрийская Церкви так и не смогли этого сделать.

Осенью 1927 года, после того как заместитель митрополита Петра митрополит Сергей смог добиться от власти некоторого подобия легализации (какой ценой это удалось сделать - отдельная большая тема), он сам обратился с посланиями к Восточным Патриархам, извещая их о том, что в положении Патриаршей Церкви в России произошли перемены. Искреннюю радость в ответном письме митрополиту Сергию выразил Антиохийский Патриарх Григорий IV. Более витиевато ответил Патриарх Иерусалимский Дамиан. Ответ же Патриарха Василия, по букве тоже радостно-поздравительный, скорее выражал озабоченность, как бы успех митрополита Сергия не повредил обновленцам. «Известие, что и Ваши дела получили благополучное разрешение, что касается отношений к гражданской власти, чем обеспечивается беспрепятственное действие в отношении Св. Церкви и церковных нужд, - писал Патриарх Василий митрополиту Сергию 7 декабря 1927 года, - доставило нам большое удовольствие. Надеемся, что это правильное направление будет способствовать пользе Святой Российской Церкви, - целой и единой Русской Церкви, но никак ни одной из Ее частей, на которые Она теперь находится разделенною. Как и обычно случается в исключительные моменты, ответственность за прошлое тяготеет одинаково на многих, и никто не может сбросить ответственности с одного на других. [...] Поэтому и мы надеемся, что выраженное намерение к соединению Поместного Собора для разрешения больных вопросов церковных и для врачевания духовных недугов осуществится не иначе, как на твердой почве участия всех иерархов, чтобы дальнейшие судьбы единой всех Матери Святой Российской Церкви были устроены совместно и твердо в братском совместном решении всех. Никто пусть не возражает против такого устроения совместного совершения и единодушного решения, как будто бы невозможного и неосуществимого».

Патриарх Василий брал на щит выдвинутый обновленцами в 1925 году лозунг «примирительного Собора» и не скрывал, что, по сути дела, он повторял обновленческую инициативу: «От другой из частей, а именно от Священного Синода, нам представлены достаточные доказательства охотного, как нам известно, расположения к общему совместному обсуждению на Соборе относительно восстановления и правильной организации церковных дел. Так как благодатию Божиею теперь проникает всех в обеих ориентациях единый дух [...], и более не существует внешнего препятствия после легализации со стороны государственной власти и Вашего положения, что мы поистине не видим, какое еще может создаться непреодолимое препятствие к общему рассмотрению и решению на общем Соборе. [...] Подобное обращение мы направляем и Высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому Вениамину, представителю Священного Синода другой части, с копией этого нашего письма»[34].

Таким образом, Патриарх Василий фактически требовал от митрополита Сергия («никто пусть не возражает») провести с обновленцами совместный объединительный Собор. Патриаршая Церковь в России была для верховного фанариота лишь одной из двух «частей Матери Святой Российской Церкви» или, как он по-другому выразился, одной из двух «ориентаций». Поскольку митрополит Сергей встал по отношению к советской власти примерно в те же отношения, что и обновленцы, и получил от нее почти такие же права, он, с точки зрения Вселенского Патриарха, уравнивался с ними и в церковном отношении. При этом, видимо, Патриарх Василий считал, что таким уравниванием он оказывает митрополиту Сергию

благодаяние (до этого обновленцы, как было отмечено, пользовались с его стороны явно большим расположением). Для Патриаршей же Православной Российской Церкви такое ее уравнивание с обновленческим сборищем было очевидным оскорблением. Насколько известно, отвечать на это стамбульское письмо Заместитель Патриаршего Местоблюстителя не стал.

В дальнейшем Патриарх Василий пытался сохранять своего рода паритет в отношениях с Патриаршей Церковью и «Синодальной», как называли себя обновленцы. Митрополит Сергей по-прежнему с достоинством отвергал такой «примирительный» подход Фанара в русских делах. В опубликованной в 1933 году и получившей широкую известность книге митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского) «Неделя в Патриархии» приводился, например, такой факт: «Приснопамятный, недавно умерший, Константинопольский Патриарх Василий, приветствуя митрополита Сергия с праздником св. Пасхи, прислал такое же приветствие и живоцерковному митрополиту Вениамину, именуя его Московским. Представитель Константинопольской Патриархии явился к митрополиту Сергию с вопросом - не будет ли ответа и предложил свои услуги к переводу его. Митрополит Сергей ответил: Его Святейшеству известно, что титул "Московского" принадлежит только Всероссийскому Патриарху и Патриархия не знает никакого Московского митрополита. А если Его Святейшество наравне с каноническим Заместителем признает еще какого-то "Московского" митрополита, то какой же может быть от меня ответ?»[35].

Такой же линии, как и Патриарх Василий III, придерживался в 1930-е годы и его преемник, Патриарх Фотий II, приглашавший через бессменного архимандрита Василия (Димопуло) в 1931 году на очередное «Предсоборное совещание» («Просинод») двух представителей от Русской Церкви. «Пусть будет послан один отдельный представитель от каждой части, чтобы пред лицом всей целокупности Православных Церквей он предложил все необходимое осведомление и путем общего усилия, содействием всех братских церквей, было достигнуто, с Божией помощью, восстановление мира и единства Святой Русской Церкви и эта Церковь таким способом приняла бы участие в общем Просиноде», - писал Патриарх Фотий в июне 1931 года[36].

Митрополит Сергей не изменил здесь каноническим принципам и отказался на таких условиях посылать своего представителя на этот «Просинод». «Нашу Церковь, - писал архимандриту Василию Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в апреле 1932 года, - Его Святейшеству угодно рассматривать как неорганизованную церковную массу, не имеющую канонического возглавления. Наши депутаты должны явиться на Просинод не представителями Поместной Русской Церкви, равноправной с другими Поместными Церквями, а представителями каждый каких-то "церковных кругов" (как принято теперь выражаться), то есть, повторяю, неорганизованной массы, не имеющей своего лица и, следовательно, канонических прав, в том числе и решающего голоса на Соборе Поместных Церквей. В лучшем случае наши депутаты могут оказаться в положении каких-то просителей, а в худшем - даже ответчиков или обвиняемых. Ни то, ни другое не представляется для нас приемлемым, ни допустимым. Не имея к тому же решающего голоса, а с этим и возможности законно влиять на постановления Просинода, наша депутация своим присутствием на Просиноде может создать впечатление, будто постановления Просинода приняты при участии нашей Русской Церкви»[37]. В итоге «Просинод» так и не состоялся.

Постепенно, однако, по мере ужесточения гонений на Церковь в СССР вопрос о взаимоотношениях с Восточными Патриархами и для Московской Патриархии, и для обновленцев становился все менее актуальным. О каких-либо контактах с Востоком российских церковных кругов во вторую половину 1930-х годов не известно.

Изменение позиции Вселенской Патриархии произошло уже в 1940-е годы, когда кардинально изменилась политика в отношении Церкви со стороны советского руководства. После знаменитой встречи с тремя митрополитами Патриаршей Церкви в сентябре 1943 года Сталин считал, что обновленческий раскол власти больше не нужен, и дал санкцию на его ликвидацию. В таких условиях Восточным Патриархам не было уже никакого резона иметь дело с аутсайдерами-обновленцами и они, как ни в чем не бывало, восстановили общение с Московским Патриархатом. Русская Православная Церковь, в свою очередь, не стала тогда

призывать их к ответу за недавнее каноническое распутство.

Можно таким образом сделать вывод, что позиция Константинопольской Патриархии в отношении обновленческого раскола определялась в 1920-1940-е годы не столько церковно-каноническими принципами, сколько политическими факторами: в основном, Вселенские Патриархи склонялись на сторону тех, у кого были лучшими отношения с советской властью.

Нельзя сказать, что подобный подход был характерен для Константинопольской Патриархии только в те годы. Современные заигрывания Фанара с украинскими раскольниками-автокефалистами во многом напоминают события 1920-х годов. И сегодня определенными кругами, как и обновленцами в те годы, усиленно продвигается тезис, что критерием принадлежности к Полноте Православной Церкви является общение с Константинопольской Патриархией. Но если принять этот тезис, то надо будет согласиться, что к Церкви в середине 1920-х годов принадлежали не Патриарх Тихон и шедшие за ним новомученики и исповедники Российские, а обновленческие раскольники. Конечно, согласиться с таким выводом совершенно не возможно. Соответственно, и общение с Вселенской Патриархией принадлежности к Православной Церкви еще не означает. Можно вспомнить слова митрополита (впоследствии Святейшего Патриарха) Сергия по поводу признания Константинополем и Иерусалимом обновленческого «Священного Синода»: «Пусть признают; от этого обновленцы не стали православными, а только Патриархи - обновленцами!». Точно также и сейчас, если фанариоты признают украинских раскольников-автокефалистов, от этого не раскольники станут православными, а фанариоты - раскольниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М. С. 118.
- [2] Постановление Вселенского Патриархата по вопросу о суде над Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России // Церковные ведомости, издаваемые при Временном Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. 1923. 14-28 апр. № 7-8. С. 1.
- [3] Грамота Святейшего Патриарха Вселенского на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого // Церковные ведомости. 1923. № 15-16. С. 4.
- [4] Цит. по: Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 340.
- [5] Там же. С. 405-407.
- [6] Цит. по: Митрофан (Шкурин), иг. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922-1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 164.
- [7] Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 1 (14). С. 2.
- [8] Троицкий С. В. Что такое Живая Церковь? Варшава, 1927. С. 34-35. (Переизд. в сбор.: «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 90.)
- [9] Буевский А. Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 33.
- [10] Грамота Святейшего Григория VII, Патриарха Вселенского, на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященного Митрополита Антония // Церковные ведомости. 1924. № 1-2. С. 3.
- [11] Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 409.
- [12] Митрофан (Шкурин), иг. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922-1929 годах С. 165.
- [13] Цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 194.
- [14] Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской Церковью // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924. 1 июн.
- [15] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917-1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 322.
- [16] Цит. по: Митрофан (Шкурин), иг. Русская Православная Церковь и советская внешняя

политика в 1922-1929 годах. С. 166.

[17] Там же. С. 167.

[18] Положение Св. Патриарха Тихона и Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1924. № 19-20. С. 17.

[19] Сафонов Д. В. Святейший Патриарх Тихон и Константинопольский Патриархат // <http://www.pravoslavie.ru> [2] /archiv/patrtikhon-kr.htm

[20] Среди церковников. Всероссийское церковное предсоборное совещание // Известия ЦИК. 1924. 12 июн.

[21] Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 2.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 6.

[24] Там же. № 4. С. 4.

[25] Там же.

[26] Там же. С. 3-4.

[27] Там же. 1926. № 6 (2). С. 7.

[28] Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. 1927. № 9-10. С. 1-2.

[29] Архив ПСТГУ. Губонин М. Е. Кифа. Машинопись.

[30] ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 286.

[31] Троицкий С. В. Что такое «Живая Церковь»? // «Обновленческий» раскол. С. 93-94.

[32] Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 3.

[33] Там же. № 3 (16). С. 4.

[34] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. С. 534-535.

[35] Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии: Впечатления и наблюдения от поездки в Москву // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 261.

[36] Архив ЦНЦ ПЭ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 7. Л. 8.

[37] Журнал Московской Патриархии. 1932. № 9-10. С. 2-3.

Источник: [Сайт "Богослов.ру"](http://bogoslov.ru) [3]

- [Обновленческий](http://bogoslov.ru)

Source URL:

<http://pokrov-fond.info/content/konstantinopolskaya-patriarkhiya-i-obnovlencheskii-raskol-svyashchennik-aleksandr-mazyrin>

Links:

[1] <http://pokrov-fond.info/content/konstantinopolskaya-patriarkhiya-i-obnovlencheskii-raskol>

[2] <http://www.pravoslavie.ru>

[3] <http://www.bogoslov.ru/text/477054.html>